

Утром в среду у входа в корпус для лежачих больных остановилась машина скорой помощи. Выкатили каталку с Лю Сяоху. Цзян Линь, в безупречно отглаженной полицейской форме, пришел проводить его вместе с Хэйбао. Пса едва удавалось удерживать — он так и норовил запрыгнуть на кровать к человеку.

Цао Шулань заботливо подоткнула сыну одеяло. Она долго что-то шептала ему, сжимая его руку, а слезы одна за другой катились по ее раскрасневшимся щекам. Она провожала взглядом машину, пока та не скрылась за боковыми воротами больницы, и всё еще продолжала махать рукой вслед.

Шэнь Син наблюдал за этой сценой из окна верхнего этажа, и в груди у него что-то болезненно сжалось. На мгновение он словно вернулся в тот год, когда только пришел работать в больницу. Из-за того, что в детстве он перескакивал через классы, он всегда был младше своих сокурсников. Когда он пришел на интернатуру, он был на три-четыре года моложе коллег своего выпуска. И хотя преподаватели еще с бакалавриата твердили, что врачу нельзя чрезмерно сопереживать и нужно выстраивать «линию безопасности», одно дело — слышать, и совсем другое — уметь держать дистанцию.

В тот первый год он тайно отдал свою зарплату за два месяца пациенту из деревни, которому нечем было платить. А когда вместе с наставником пошел на свою первую ампутацию, он до ужаса боялся заходить в палату и видеть раздавленную горем семью.

Позже, год за годом, он начал понимать правила выживания хирурга. Понял, как ничтожно мала сила одного человека. Спасать мир — это детская мечта. Чем старше становишься, тем отчетливее осознаешь: просто хорошо выполнять свою работу — уже немалый труд.

Он всего лишь врач. Единственное, что он может, — это приложить все силы, чтобы вылечить пациента. Он не может победить бедность, не может изменить их семьи и не может спасти их судьбы.

Фигура внизу, державшая на поводке Хэйбао, незаметно исчезла.

— Доктор Шэнь, утренний прием окончен. Только что звонили из кардиологии, просили зайти на консультацию.

Голос Лосана вернул его к реальности.

— Хорошо, иду.

Незаметно пролетело время — Шэнь Син прожил в этом маленьком городке уже почти два месяца. Честно говоря, за все годы работы у него никогда не было такого размеренного графика.

Утром он подсаживался в машину Цзян Линя, чтобы выгулять собак, а затем доехать до работы. В уездной больнице операции были не каждый день, поэтому он мог вести прием в поликлинике ежедневно.

За утро приходило всего с десятков пациентов. Он начал понемногу понимать местный диалект и привык к манере пожилых людей рассказывать о своих болячках издали, словно сказку, не выделяя главного.

В стационаре уездной больницы тяжелых случаев в ортопедии было мало — из-за высоких рисков таких пациентов обычно переводили в вышестоящие учреждения. Поэтому, если не

считать плановых небольших операций, обработки ран и простых переломов, он почти всегда мог уйти домой вовремя, если только на скорую не привозили экстренных больных.

Проработав врачом шесть лет, Шэнь Син и не думал, что когда-нибудь слова «уйти вовремя» будут иметь к нему отношение. Приятно ли это было? Конечно. В конце концов, он человек, а не осел, вращающий жернова.

Но с другой стороны, когда слишком долго был ослом, внезапно снова почувствовать себя человеком оказалось непривычно.

К примеру, сейчас было три тридцать дня, пациенты закончились, двое вчерашних прооперированных с переломами уже выписались, на скорой тишина. И Шэнь Син мог позволить себе сидеть за компьютером с чашкой чая и наслаждаться лучами солнца.

Вдруг в дверях его кто-то окликнул:

— Заведующий Шэнь.

Шэнь Син подскочил на месте, решив, что что-то случилось в экстренном покое, но оказалось, что это старшая медсестра. Она тут же сунула ему в руки карточку:

— Заведующий Шэнь, пришли выплаты к Новому году. Это купон на тысячу юаней в супермаркет. Еще там несколько коробок с продуктами, они на посту, не забудьте забрать в конце смены.

Вечером, когда рабочий день закончился, черный Крузер припарковался у входа в поликлинику. Цзян Линь вышел из машины и увидел ждущего доктора Шэня, у ног которого громоздилось пять или шесть коробок разного размера.

Там были орехи, соки, консервы, фрукты и даже две бутылки шампанского. Когда Цзян Линь потянулся за ними, Шэнь Син преградил ему путь локтем:

— Я сам. Твои руки сейчас на вес золота.

На прошлой неделе в больницу прибыло оборудование, присланное в качестве помощи, и среди прочего были аппараты, необходимые для лечения Цзян Линя. Теперь, подчиняясь врачебным предписаниям Шэнь Сина, капитан дважды в неделю приходил на обследования и процедуры.

Цзян Линь, однако, ловким движением перехватил у Шэнь Сина самую тяжелую коробку с напитками:

— Ты хирург, это твои руки по-настоящему драгоценны. К тому же, у меня ведь есть вторая здоровая рука, верно?

Они перенесли коробки в багажник. Шэнь Син сел на пассажирское сиденье, Цзян Линь завел мотор:

— Немало вам выдали.

— Еще два мешка риса и бутыль масла, но я их Лосану отдал. Время летит — не успели оглянуться, как уже Новый год. А вам что-нибудь дали?

Цзян Линь достал из подлокотника несколько купонов и протянул ему:

— Нам тоже сегодня выдали.

Шэнь Син изучил их: купоны в супермаркет, на подарочный набор мясных деликатесов и на свежие продукты — всё нужно забирать самим. Пока он рассматривал их, Цзян Линь спросил:

— Сегодня пятница. Заберем мясо и устроим дома хого или пойдём в столовую?

Перспектива горячего хого была куда заманчивее столовой, и Шэнь Син решительно отказался от последнего.

Магазин свежих продуктов находился в самом центре. В шестом часу вечера пробок в городке еще не было, но машины ползли как черепахи. По случаю праздников зажглись гирлянды, которые обычно не горели, на улицах заметно прибавилось людей. Повсюду висели баннеры с новогодними акциями, гремела реклама, а у лотков с уличной едой выстроились очереди. Царило оживленное праздничное настроение. В этом маленьком городке атмосфера праздника ощущалась острее, чем в больших мегаполисах с их холодными огнями небоскребов. Шэнь Син словно вернулся в детство, когда на Новый год приезжал к бабушке в деревню.

Припарковаться здесь было задачей не из легких. Цзян Линь нашел место у обочины:

— Дальше стоянки точно не будет. Тут метров триста осталось, давай пешком.

Шэнь Син не возражал. Как только он вышел из машины, в уши ворвался шум улицы: зазывалы из фруктовой лавки соревновались с рекламой «бобоцзи».

— Яблоки по два пятьдесят восемь за цзинь, питайя — три штуки за десять юаней!..

— Бобоцзи, бобоцзи, бобоцзи по одному юаню за шпажку!

Цзян Линь шел со стороны проезжей части, где сновали мопеды, и поглядывал на Шэнь Сина, который засмотрелся на лоток с бобоцзи. В последние дни он чувствовал, что доктор чем-то расстроен. Это не бросалось в глаза, просто настроение у него было подавленным. Цзян Линь внезапно легонько толкнул его плечом. Шэнь Син сегодня снова был в своем ярко-желтом пуховике. Когда два человека в пуховиках сталкиваются, это похоже на столкновение двух мягких булок. Шэнь Син обернулся.

— Если хочешь бобоцзи, давай встанем в очередь и купим пару шпажек.

У лотка толпились в основном школьники в форме — видимо, из ближайшей средней школы. Шэнь Син покачал головой:

— Да не особо и хочется. Просто реклама заедает в голове. Мы же идем хого есть, куда там еще бобоцзи впихнуть?

В магазине тоже была очередь. Шэнь Син протянул руку:

— Давай купон, а сам иди поищи, где присесть.

— Доктор Шэнь, у меня правда сейчас ничего не болит. Да и сесть тут негде. Не на мусорный же бак мне пристраиваться?

Шэнь Син огляделся. Сидеть и правда было негде — единственным подходящим по высоте предметом был приземистый мусорный контейнер.

К счастью, большинство людей просто забирали готовые наборы, так что очередь двигалась быстро. Через десять минут они уже вышли. На обратном пути зашли в овощную лавку за основой для бульона и добавками. Поскольку в наборе были требуха и аорта, они единодушно решили делать острый бульон на говяжьем жиру.

Когда все пакеты были подняты наверх, Цзян Линь открыл дверь своей квартиры:

— Давай есть у меня. Приведешь своего Цяньцзинь?

— Иду. Подожди минутку.

Дверь к Цзян Линю осталась открытой. Шэнь Син дома разобрал подарки, отложил половину и принес соседу. Следом за ним вкатился круглый пушистый комок.

На кухне Цзян Линь уже всюду мыл овощи и кастрюлю. Движения у него были четкими и быстрыми — было видно, что в кулинарии они с Шэнь Сином, мастером «люксовой лапши быстрого приготовления», находятся в разных лигах.

Врачу стало неловко просто ждать еды, и он подошел к дверям кухни:

— Герой, чем я могу помочь?

Цзян Линь даже головы не поднял:

— Ничем. Иди лучше накорми этих двух страждущих псов.

— Окей.

С тех пор как Шэнь Син увидел сцену прощания Хэйбао с Лю Сяоху, он проникся к овчарке нежностью. Хэйбао тоже привык к человеку, который каждое утро выгуливал его на поводке, и даже позволил Шэнь Сину погладить себя, холодно коснувшись мордой его щеки. Шэнь Син с воодушевлением потрепал его по голове, но тут же раздался лай самоеда — Е-Е явно был недоволен тем, что гладят не его.

Шэнь Син легонько щелкнул «доченьку» по лбу:

— Ну и ревнивец же ты.

Он отпустил Хэйбао и раскрыл объятия для Е-Е, но в следующую секунду белый пушистый комок пронесся мимо него и кинулся к овчарке. Он начал ластиться к Хэйбао, поскуливая, пока тот не коснулся его мордой в ответ, как мгновение назад сделал с Шэнь Сином. Только тогда он успокоился.

Шэнь Син замер... Получается, он ревновал не его к Хэйбао, а Хэйбао к нему? Вот уж точно — дети растут и перестают слушаться родителей.

Он насыпал собакам корм и открыл две банки консервов. Когда он поднялся, стол уже был накрыт. Цзян Линь закрыл дверь в спальню и открыл окно, и вскоре аромат бульона на говяжьем жиру заполнил комнату. Говядина, требуха, овощи — тарелка за тарелкой появлялись на столе.

Цзян Линь заметил вещи, которые принес Шэнь Син:

— Зачем так много притащил?

— Я один всё равно не съем, так что делим пополам. Я такое шампанское раньше не пробовал, может, пригубим?

Цзян Линь обернулся:

— Пойду возьму бокалы.

В прозрачном стекле заиграли пузырьки светло-желтого напитка. Шэнь Син открыл банку консервированной клубники и выложил в вазочку. Стол ломился от еды — действительно возникло ощущение праздника.

— Получается, мы заранее Новый год отмечаем.

Цзян Линь с улыбкой поднял бокал:

— С наступающим.

Шэнь Син чокнулся с ним:

— С наступающим. Заранее так заранее — в новогоднюю ночь мне точно будет не до хого. Я подменил местного коллегу, так что буду на ночном дежурстве.

Цзян Линь тоже усмехнулся:

— Вот совпадение. Я в ту ночь тоже дежурю.

Новый год был послезавтра, в выходные. Всё равно он здесь один, так пусть хоть местные ребята побудут с семьями.

Острая требуха, глоток холодного шампанского — Шэнь Син глубоко выдохнул. Цзян Линь опустил в котел порцию креветочных фрикаделек:

— Тебя что-то тревожит в последнее время?

Шэнь Син замер с палочками в руках:

— Ясновидящий, ты снова это вычислил?

Цзян Линь в шутку пошевелил пальцами, изображая гадание. Шэнь Син, который таил это в себе несколько дней, решил не сдерживаться. Он проглотил кусок и посмотрел на собеседника своими ясными глазами:

— Герой, кажется, я болен.

Цзян Линь напрягся:

— Что случилось? Недомогание?

Он заметил, что на этой неделе Шэнь Син за обедом был не таким оживленным, даже любимых кальмаров на гриле съел всего пару штук. Неужели он заболел?

— Да. На душе беспокойно.

Цзян Линь выдохнул:

— Ну, рассказывай. Может, «ясновидящий» чем и поможет.

— Сразу после выпуска я попал в больницу Юэтань. Начал интерном. Название «ординатор» — это прямо про меня было: я буквально жил в ординаторской, всегда наготове. Иногда выходил из больницы и не понимал, какой сейчас год и день. Мама говорила, что я от дежурств скоро забуду, в какую сторону дверь дома открывается.

Потом стал лечащим врачом, и работы стало по горло. Сдать 24-часовое дежурство и сразу уйти на операцию — обычное дело. На приеме даже воды лишней раз не попьешь, чтобы в туалет не бегать, иначе очередь не успеешь раскидать. Жил как осел в колхозе — тянешь лямку без передышки. Иногда так уставал, что слова вымолвить не мог. Тогда я мечтал: когда же я смогу уходить вовремя, пить чай и читать газеты?

Но вот я здесь. Я правда могу иногда уйти вовремя. За утро — всего десять-пятнадцать пациентов. На приеме можно даже чай заварить. Операции не каждый день. Но как только я освобождаюсь, мне становится не по себе. Скажи, это ведь болезнь «бывшего осла»? Когда не тянешь лямку, становится тоскливо?

Шэнь Син уткнулся лицом в стол с видом полной безнадеги. Цзян Линь рассмеялся:

— Ты ведь не из-за отсутствия лямки переживаешь, верно?

Шэнь Син, словно его поймали на самом сокровенном, подцепил палочками говяжий шарик и начал яростно тыкать в него:

— Доктор Шэнь, дай ему уже умереть спокойно, не издевайся над трупом.

Шэнь Син молча съел шарик:

— На самом деле я очень люблю оперировать. Люблю лечить людей, люблю это чувство, когда мои знания помогают избавить кого-то от боли. Но здесь... любой серьезный случай нужно переводить в вышестоящую больницу. Я чувствую себя здесь лишним. Будто я в ссылке.

Раньше в Юэтани он принимал пациентов из низовых больниц, а теперь сам стал тем, кто отправляет их другим. Это чувство было сложно описать словами.

Цзян Линь смотрел на него — сейчас Шэнь Син напоминал поникшего кота. От этого зрелища сердце капитана невольно сжалось. Он поджал губы:

— Давай я расскажу тебе свою историю. Может, это тебя утешит.

Шэнь Син послушно кивнул, но Цзян Линь вдруг решил напустить туману:

— Поешь сначала побольше. Моя история довольно мрачная, боюсь, после нее кусок в горло не полезет.

<http://bllate.org/book/15778/1609914>